

УДК 174 + 159.955

**Практическая мораль и «хакерская этика»
в зеркале университетской дидактики**

Аннотация. Прикладная этика активно завоевывает себе смысловое пространство в высшем образовании. Для образовательной политики, однако, гораздо важнее понимать, какая морально-дидактическая модель реализуется в рамках длительного периода обучения. И если прикладная этика выражает метафизику глобальных перемен, то практическая мораль – смыслы и ценности биографического проектирования. Традиционно принято считать, что генезис практической морали в обществе модернистского образца связан с «протестантской этикой», социологически описанной Вебером. Историческое развитие современной цивилизации, наступившем вслед за эпохой Просвещения, предполагало довольно узкий выбор между двумя разновидностями секулярной практической морали – этикой денег и этикой карьерного роста. Остальные стилевые разновидности выступали, скорее, в ранге маргинальных. В последней трети XX века свою альтернативу им предложили хакеры, сконструировавшие своеобразную «хакерскую этику», которая выступила как сущностная оппозиция всему протестантскому этосу. Постепенно ее идеи, ценности и принципы вышли за пределы узкой группы программистов, и сегодня их разделяют уже многие профессионалы, в особенности те, кто находится на «передовой» цивилизационных перемен. При этом, если вникнуть в содержание «хакерской этики», то несложно обнаружить в ней почти весь набор soft skills, которые обсуждаются сегодня теоретиками и практиками высшего образования. И в этом смысле, можно предположить, что именно «хакерская этика», оформленная в виде дидактического продукта, способна послужить своего рода введением студентов в актуальную прикладную и профессиональную этику.

Ключевые слова: практическая мораль, хакерская этика, «нэтика», университетская дидактика.

... Мы преподаем науку о всеобщей взаимосвязи в сочетании с этикой. Взаимное равновесие, внушаем мы, это не исключение, но правило присущее природе, и людям следует – говоря на языке морали – подражать этому правилу.

Олдос Хаксли. «Остров». 1962

Золотое правило морали по-разному формулировалось в истории нравственной культуры человечества. Максима «поступай с другим так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», пожалуй – наиболее примелькавшаяся на страницах сочинений древних и современных мудрецов. В самом деле, простая и не замысловатая формула с абсолютно ясным жизненным мотивом. Но что конкретно в ней означает «с другими» чаще всего оставалось за горизонтом читательского внимания. А ведь именно в том, как мы понимаем «Другого» и кого мы к нему причисляем, содержится сама суть этой универсальной этической рационализации. В разных культурах и в разные эпохи к «Другим» причисляли «себе равных», «соседей», «своих врагов», «весь род человеческий», «флору и фауну», «неживую природу в целом» и даже «мир рукотворных вещей». Не сложно заметить, что в каждой из этих конкретизаций происходит не только значимое смещение доминантного акцента этического внимания на весьма неодинаковые окружающие человека объекты, но и радикальная перемена смысла самого этого «правила».

Прикладная этика – метафизика глобальных перемен

Мораль, которую постигает человек, к примеру, увлеченный экологической этикой, становится отнюдь не индикатором свойства, а напротив – представляет собой совокупную универсальную этику. И если «наивный» экологизм породил в свое время базовый буддизм, то сегодня прикладная этика, предлагающая уважение и бережное отношение ко всему на планете, позволяет человечеству выйти за пределы узкого исторического «откровения» (будь то от лица «избранного народа» или какой-либо «обетованной земли») к предельно открытому и планетарно ответственному этическому мышлению.

Внутри него, однако, уместаются совершенно непохожие, а то и противоборствующие моральные философии. Смутное сомнение относительно того, действительно ли наступившая эра этического плюрализма, ведет здравомыслящего человека к формулированию главного вопроса современности: как в масштабах всего мира может и должно происходить (не важно, на индивидуальном, групповом, страновом уровнях) конструирование *нового этического мышления*. Поскольку это неизбежно когда-то случится, то обязательно станет главным ресурсом рефлексии на постоянно меняющийся мир, а точнее – на переменные обстоятельства глобальной и локальной жизни в зеркале многообразия нашей ответной интеллектуальной реакции.

Речь в данном случае идет не о реконструировании начального нравственного воспитания, которое происходит в семье, школе и в

первых кругах социального общения детей, а о вполне «зрелой» *этической рефлексии перманентно взрослеющего человека*. И если его первоначальная нравственная оптика задана генетически, обычаями, верованиями и ценностями взрослого окружения, а несколько позднее государственной политикой в области начального общего образования, то преодолев возрастную планку ранней подростковой, уже молодой человек начинает интересоваться и задумываться над вопросами практической морали и прикладной этики. Что продиктовано не только его скорым взрослением и переходом в состояние ответственной жизни, но и новыми средами социально зрелого общения: прежде всего – внутри «университетских стен» и в мировой сети. После этой нравственной «переподготовки» он с головой погрузится в профессиональные и гражданские среды, вовлечется в общественную жизнь и местную политику. И отныне неизменно будет мысленно обращаться к прикладной этике – источнику постижения метафизических смыслов глобальных перемен.

Практическая мораль и ее вариации

Перемещение тинейджера из контекста общей школы в пространство современного высшего образования ставит его в ситуацию необходимого биографического выбора. Разумеется, кто-то совершает его более или менее осознанно, а кто-то – пускаясь в свободное плавание, приплывет туда, куда его принесет течением времени. Но в любом случае *выбор индивидуальной жизненной философии* совершается современным человеком на исходе подросткового состояния. И сколько бы ни твердили сегодня социальные психологи об инфантилизме нынешней молодежи, свой выбор она делает, как правило, именно в студенческие годы.

С какими мыслями о самом себе и этом мире двигаться дальше по жизни? В соответствии с какой ценностной шкалой выбирать стратегические цели и тактические средства для достижения биографического успеха? Может быть, отказаться от установки на успех уже на старте самостоятельной жизни? В каких символических «единицах» мониторить динамику своего жизненного проекта? И т.д. Речь, по сути дела, всегда будет идти о выборе той *доминантной практической морали*, которой человеку предстоит придерживаться в состоянии долгой взрослой ответственной жизни.

Употребление в данной связи понятия «практическая мораль» требует от нас терминологической строгости, которой, однако, очень непросто добиться. Прежде всего, какой смысл мы пытаемся постичь, добавляя к «практическому сознанию» (то есть к морали) еще и адъективную привязку «практическая». Не происходит ли в таком случае

удвоение одного и того же значения. Когда мы говорим «практическая этика»¹, то имеем в виду нечто обиходно-прикладное, отчасти метафорическое, но все-таки расхожее, идущее от нравственного поля «здравого смысла» в тех или иных сферах общественной жизни. Что при этом совсем необязательно должно корреспондировать той или иной этической теории или парадигме. Часто под «практической этикой» понимают специализированные формы этического знания, к примеру, «военная этика», «экологическая этика», «академическая этика», «педагогическая этика», «политическая этика», «этика гражданской жизни» и т.д. То есть статус «практической» обретают отраслевые социально-нравственные эпистемы, за исключением, пожалуй, собственно профессиональной этики.

Практическую этику можно трактовать и как «народную» нравственную мудрость или – как «глубинную» правду. Поскольку в таком случае практическая этика не отражает никакой единой моральной истины, то понятно почему она предстает в современном обществе не в единственном числе, а растворена в обиходном и профессиональных языках, отражая прежде всего многообразные интерсубъективные смыслы. Одним словом, практическая этика – это нравственный опыт коммуникации и общественного разделения труда модернистского образца.

В данном же очерке речь пойдет несколько о другом – о «практической морали» как *жизненной философии*. Но не получаем ли мы в таком словосочетании банальной тавтологии и бесполезного повтора? Думаю, что нет. В древнегреческой риторике особая фигура речи, при которой одно значение выражалось двумя словами, называлась гендиадис (от *hendiadyoin* – буквально «одно через два»). Практическая мораль – это не моральная практика. Скорее, вариативная нравственно-дискурсивная рационализация людьми разных сценарных планов в реализации их биографических проектов. Индивид выбирает для себя некий образ социального действия и повседневного мышления, который корреспондирует какой-то одной жизненной философии. Разумеется, в жизни все перемешано, но все-таки мы, как правило, видим, что тот или иной человек следует какой-то *одной* жизненно-философской идее, возводя ее для себя в ранг высшего нравственного «идеала» и своего внутреннего «арбитра». Иными словами, практическая мораль – это всегда индивидуальный опыт жизненного проектирования, не важно при этом, имеем ли мы дело со стандартными или рефлексивными биографиями.

---

¹ В англоязычной литературе понятие «практическая этика» очень часто используется как синоним «прикладной этики».

Например, *слава-карьера-капитал* чаще всего серьезно переплетены в жизни многих наших современников, нацеленных на достижение. По сути, именно они представляют собой три базовых *символических знака* трех практических моралей – признания, богатства и продвижения по служебной лестнице. Конечно же, все они суть идеальные типы, отражающие разную мотивацию и доминантную заинтересованность людей. То есть в этой связке всегда что-то одно в каждом конкретном случае подчиняет себе все остальное. Но это касается лишь тех, для кого жизненный успех – значимый и вполне достигаемый рубеж. Сфера деятельности при этом не имеет решающего значения.

Очевидно, что большинство современных индивидов не задумываются о какой-либо биографической «корысти», их практическая мораль конструируется в лоно следования неким фундаментальным ценностям «простой» жизни или частногражданского служения, выстроенного на принципиально иных основаниях и не предполагающих установки на «награды». Им достаточно «доброй» репутации в локальных контекстах простого выживания. Впрочем, даже в их по всем показателям «скромной» социальной логике можно уловить некий приоритетный мотив и определенную моральную доминанту. Но в их шкале ценностей деньги «пахнут», а карьера не может «согреть в холдную ночь». Моральной доминантой для большинства населения любых современных обществ на протяжении последних двух-трех столетий выступала классическая трудовая мораль. Она впервые была распознана и описана в знаменитом эссе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», а позднее в прошлом веке уточнена и дополнена многочисленными социологическими исследованиями, когда она была выведена из исключительно протестантского исторического контекста. Тем не менее, говоря по-прежнему «протестантская этика», мы понимаем, что речь идет о классической трудовой морали модернистского толка. Рубеж столетий, конечно, подтолкнул к переоценке смыслов и содержания практических моралей актуальной современности и поставил под сомнение их подлинное социальное бытие.

Но что же так или иначе сохраняет свою философскую значимость в наши дни и по-прежнему валидно с точки зрения моральной эпистемологии? В первую очередь – это *этика денег*. Вебер рассматривал ее как составную часть «духа» капитализма, а до него и Маркс называл капиталиста «фанатиком» самовозрастания стоимости. Нажива, меркантильное отношение к любым формам деятельности, в том числе и далеким от коммерции, перевод любой капитализации в денежный эквивалент, оценка богатства как высшего блага – так

вкратце можно было бы охарактеризовать ту вариацию практической морали, которая поныне вполне еще жизнеспособна и может управлять человеческими поступками и намерениями. Как писал почти сто лет назад И. Ильф про деньги: «что-то в них все-таки есть!»

Индивидуальный выбор «денег» в качестве главного мерила биографического проекта вовсе не означает буквально того, что «стяжательство» всецело руководит мыслями и действиями человека. Разумеется, нет. Но ему удобнее и комфортнее измерять свой жизненный успех (или неудачи) в денежном эквиваленте. И в этой этической «вселенной» его профессия и каждодневный труд выступают моральным долгом, а точнее – средствами его постоянной финансовой капитализации, равно как и накопления собственности.

Подобную логику, хотя и отличную по своим социальным проявлениям, мы обнаруживаем в «родственной» вариации практической морали – *этике карьерного роста*. Индивид, выстраивающий свой жизненный проект, подчиняясь этой доминанте, вовсе не отказывается от всех прочих «удовольствий» жизни или «выигрышей», в том числе и денежных, но для него всегда приоритетом выступает продвижение по формализованной и стандартной лестнице карьерного успеха, будь то в государственных учреждениях, армии, крупном бизнесе, корпорациях, профсоюзах или партиях, университетах или академии. Свой моральный долг он трактует в категориях организационной верности и абсолютной преданности, которые в сочетании с профессионализмом гарантируют ему искомый жизненный «рост». Причем речь идет не только о внутреннем, так называемом «чистом» служении карьере, но и демонстративном подчеркивании вовне своей индивидуальной незаинтересованности в прочих мотивах и стимулах. Фанатики самовозрастания «карьеры», особенно во власти, очень часто придают своим биографическим проектам нарочито аскетические очертания, подчеркнуто отказывая себе в удовольствиях и принимая всевозможные самоограничения, концентрируясь лишь на лояльности и «честной» бюрократической или политической службе.

Можно и далее продолжить этот список «идеальных типов» практической морали и вспомнить, в частности, о нигилистической, бунтарской, квиетической и гедонистической моделях. Но все они в современном обществе, скорее, реализуются как «стилевые» или даже маргинальные. Поэтому никоим образом не могут быть отражены в образовательных стратегиях и программах, хотя бы уже на том основании, что не отнесены к доминантным вариациям культурно-репрезентативного типа. В то время как практическая мораль денег и карьерного роста имманентно включены в университетскую дидактику. Ведь именно

эти две модели фланкируют все профессиональные этики и предлагают молодому человеку незамысловатый выбор его личного доминантного мотива в биографическом проектировании. Причем порой «навязывают» этот выбор в весьма грубой форме однобокой моральной дилеммы: между стремлением к «денежным выгодам» (жить за счет профессии) и/или карьерным «служением» (жить в профессии). Удивительным образом эта дилемма пронизывает современную профессиональную этику всех тех «занятий», которые апеллируют к фундаментальному знанию и имеют большой этический авторитет в современном обществе, как, например, ученые, инженеры, юристы и медики. Впрочем, и не только они.

Но времена меняются, а вместе с ними остаются в прошлом и многие представления о ценностях и мотивах биографического проектирования. Радикальный пересмотр классических моделей практической морали произошел на рубеже столетий на фоне становления новой, характерной для складывающегося повсюду информационного общества *хакерской этики*. Она, по сути своей, является антиподом «протестантской». Отрицает этику денег и карьерного роста, но при этом не является «бунтарской», как ее нередко воспринимают со стороны. Хакерская этика не принимает от своих предшественниц ни философских оснований, ни повседневных установок, ни даже логики ожиданий нравственных вознаграждений и «обратной» связи. Людям информационного общества стало просто *неуютно* в тисках классических вариаций практической морали. Попробуем разобраться, почему и к чему это привело?

Хакерская этика как «идеальный тип» альтернативной практической морали

Впервые и вполне серьезно о хакерской² этике заговорил около полувека назад М. Кастельс, что нашло отражение в его работах, посвященных коммуникативным метаморфозам и в целом информаци-

---

² Само понятие «хакеры» впервые было сконструировано в США в 1960-е гг. и объединяло группу энтузиастов из Массачусетского Технологического Института (MIT). Но уже в 1980-е гг. с легкой руки журналистов это понятие закрепилось за теми программистами, кого обвиняли в кибер-преступности. Хотя исконно сами хакеры строго дистанцировались от всяких взломщиков, распространителей вирусов и прочих кибер-нарушителей.

онному веку [4]. Но самостоятельный и всесторонний анализ этого феномена принадлежит перу его коллеги П. Химанену [9]³. И несмотря на то, что его книга «Хакерская этика и дух информатизма» вышла более 20 лет назад, его общий подход и идеи все еще свежи и актуальны.

Химанен придерживается классического понимания хакеров как социальной группы, состоящей преимущественно из программистов, искренне верящих в то, что информация должна распространяться свободно, в таком качестве она приносит большую пользу человечеству. Частное присвоение информации не допустимо и никому не позволительно. Из этого философского принципа вытекает их эмос: моральный долг хакера гарантировать открытость и всеобщий доступ людей к любой (и, конечно же, всей!) информации. Ради этой цели он должен быть готов к бескорыстному труду программиста как *охранитель и распорядитель коммуникативных потоков*. В этом ключе следует понимать их безусловное служение интересам общего, публики в самом широком понимании слова, даже если такая деятельность может нанести ущерб власти, бизнесу или какому-либо иному партикулярному субъекту.

В предисловии к своей книге Химанен дает самую общую оценку этому профессионально-нравственному феномену. Он пишет: «...“этика хакера” – это развивающееся в наш информационный век страстное отношение к работе вообще, это новая рабочая этика, призванная разбить оковы традиционного восприятия труда, продиктованного протестантской рабочей этикой, изложенной Максом Вебером в классическом труде “Протестантская этика и дух капитализма”» [9, 5].

Не столь важно нам сейчас разбираться в том, насколько корректно Химанен трактует идеи Вебера, сколько раскрыть его тезисы о хакерстве как особой разновидности практической морали. Сразу подчеркну, что у Химанена речь идет не только и даже не столько об этосе «узкой» группы цифровых работников, сколько именно о рождении новой вариации практической морали, свойственной большинству трансформирующихся сегодня профессий. Просто хакерскую этику программистов можно считать наиболее чистым ее проявлением, своего рода «идеальным типом».

---

³ Книга Химанена написана на большом эмпирическом материале, и в дальнейшем я буду в основном опираться на авторскую аналитику и толкования, из экономии места и времени пропуская разбор и описание хакерских нарративов.

Хакеры прекрасно осознают, что в наше время владение информацией приносит не только деньги, но и многие другие преференции. И, тем не менее, они сознательно отказываются от этики денег и следуют совершенно иным жизненным принципам. Для них гораздо важнее само понимание того, что они *движимы общественной миссией*. Более того – *они предлагают* публике то, что является *подлинной ценностью*, которую люди способны принять и признать. Что, собственно, и делает такую акцентированную на миссии нравственную самооценку их стержневым биографическим *стимулом*.

Подчеркну вновь, поскольку это очень важно, в данном случае речь идет не только, а может и не столько, об этосе цифровых работников, сколько об интеллектуальном вызове, который брошен всей нашей цивилизации, а также всем профессионалам, которые находятся на «передовой» глобальных перемен. Всем, кто социально-нравственное начало в своей осмысленной деятельности способен поставить выше всего. Сами по себе деньги перестают мотивировать, за ними сохраняется лишь инструментальная значимость удобно-конвенционального «эквивалента», но их накоплению они предпочитают личностное развитие, а также – развлечения, вовлеченность в гражданскую жизнь и все то, что, по их мнению, *по-настоящему ценное*. Настоящий хакер не выживает, зарабатывая на «хлеб насущный» своим «повседневным трудом»; у него, как правило, неплохие доходы, но при этом он довольствуется малым. Для него важнее всего: (а) эмоциональный опыт социальности (через сети, к примеру); (б) отношение к профессиональному труду как к базовому жизненному *развлечению* и азартному времяпрепровождению.

Хакерская этика «бросает перчатку» классическим вариациям практической морали, ибо отвергаются не только деньги, но и стандартная карьера, громкая слава. Их сетевое взаимодействие подспудно совершает подлинную этическую «революцию» в социальных отношениях. Наша цивилизация, без преувеличения, абсолютно неожиданно столкнулась с таким громадным контркультурным вызовом. Трудовая этика, которую она пестовала многие столетия как главное детище модерна, оказалась на задворках истории. Каждодневная «работа» стала означать «радость», а то и полную приключений увлекательную забаву. Для современной профессиональной этики все больше востребованы *вкус к игре, искренняя увлеченность, дух первооткрывателя*. И все это не какие-то аналитические наброски включенного и постороннего наблюдателя, а язык самих хакеров; если угодно – нарратив самопознания. И если для *старой этики труд был делом совести*, то сегодня этим делом становятся *мастерство, искренняя заинтересованность и служение общей пользе*.

Совестливое отношение к регулярному повседневному труду в обществе модернистского толка прививалось с младенчества. И на том воспитательном поприще кроме семьи были задействованы разные акторы – школа, университеты, церковь, институты гражданского просвещения, профессиональные ассоциации. Хакерской же этике пока, по сути дела, еще *никто никого не обучал*. Она обретала свою субкультурную легитимность через личный пример, а впоследствии распространялась подражательно все тем же сетевым способом, «заражая» новых индивидов авторитетным образцом. Возможно, именно поэтому сетевые контексты для нее – самая естественная «среда обитания», хотя хакерская этика и вышла теперь далеко за свои исконные границы.

Понятие «сетевая академия», скорее, удачная метафора, чем корректное обозначение новой воспитательной институции. Впрочем, если проследить общие тенденции в развитии высшего образования в мире, то несложно увидеть явное тяготение людей и университетов к некоему обновленно-универсальному качеству, отражающему: (а) значительное эпистемологическое усложнение, свойственное всем наукам; (б) беспредельное расширение информационного поля; (в) тяготение университетов друг к другу на условиях равноправного горизонтального взаимодействия; (г) беспрецедентный рост дидактических цифровых продуктов и технологий. Движение в сторону «сетевых академий», по всей видимости, все же приобрело необратимый характер.

Одним словом, хакерская этика – это вызов, брошенный классической практической морали во имя того, чтобы предложить современной цивилизации альтернативный «дух», который противостоит всему тому, что еще совсем недавно принималось за нравственную истину. И только в этом смысле хакерство может быть интерпретировано как *контркультурный бунт*, как взлом привычных аксиом и ценностей практической морали.

Парадоксальные принципы хакерской моральной утопии

Может сложиться ложное впечатление, что хакеры наподобие Ницше осознанно и намеренно выступили против рациональной морали, традиционных богов и кумиров старого света. Совсем нет. Во-первых, они вообще не ставили перед собой никаких революционных задач; во-вторых, изначально, тем более по мере «взросления» они не имели никаких репутационных амбиций, не стремились достичь славы разрушителей канонов; в-третьих, их исторический «след» в нравственной культуре состоялся практически без особо целенаправ-

ленного участия с их стороны, то есть без какого-либо программирования и волевого насаждения «сверху» своих взглядов остальному обществу. Их моральный «мятеж» случился как бы сам по себе, и только *postfactum* мы можем реконструировать, из каких компонентов весь этот процесс состоял.

Хакеры жили так, как им было удобно и комфортно, и рефлексировали свою жизнь без пафоса и лишней показухи. В результате они более, чем кто-либо другой из современных социальных групп, способствовали размыванию норм и паттернов повседневного активизма. Они полностью стерли границы между работой и досугом, между хобби и серьезной профессиональной деятельностью, напроочь перекроили матрицу социального времени и т.д. Как иронично замечали они сами, у них вместо пятницы – воскресенье и наоборот. А это были все крайне важные параметры, внутри которых регламентировалась жизнь современного субъекта, оценивался его труд, определялись награды, а практическая мораль диктовала ему свои ценности и правила.

Быть хакером – удовольствие, но оно требует больших усилий. В их культуре не найти и следов от классического пафоса трудолюбия, радикально противопоставленного лени и праздности. Они всегда ориентированы на создание качественного продукта, который требует усидчивости, и высокого самоконтроля, но это не достигается ни титаническим усилием, ни каторжным трудом. Наблюдателям видятся разные стороны хакерского этоса: они то представляются страстными трудоголиками, то беспутными бездельниками. Но самое главное, в чем сходятся практически все исследователи, самоотверженный труд для них – *насыщенная смыслами игра*, а не будничная рутина и никакое не напряжение сил. И в этом, пожалуй, проявился их главный протест против «протестантской» трудовой этики [9, гл.1].

Вообще к социальному времени у хакеров особое отношение. С одной стороны, они отвергли максимум «время – деньги», приписываемую Б. Франклину. С другой – они живут в условиях глобального «сжатия времени», и поэтому в своей, как и в чужой деятельности ценят скорость. Что вызвано не только усилением конкуренции на мировых рынках, особенно информационных и креативных услуг и товаров, но и тем, что по роду своих занятий находясь на передовой инноваций и перемен, хакеры понимают, возможно, лучше всех, что значит «сгустки времени» в технологической гонке, что значит не опоздать, и как в погоне за скоростью не потеряться и не утратить чувства реальности. Собственно, поэтому в их картине мира социальное время обладает двумя, можно сказать нравственными характеристиками – оно предельно гибкое и само по себе становится товаром. С ним можно

делать все, что хочется, а игровое моделирование позволяет его форматировать под любой заказ, то есть приводить в соответствие с творческим ритмом любого человека. Отказавшись от нравоучений Франклина, они придерживаются парадоксального девиза: «это – мое время!» [9, гл. 2]. Иными словами, *chronos* в нравственной коде хакеров сугубо индивидуализирован, весьма насыщен событиями, и при этом не отчуждаем от личности его «носителя-владельца».

Не менее парадоксальной выглядит трактовка денег в этике хакеров. Напомню, что для них профессиональная деятельность (их работа) выступает высшей ценностью, и совершенно не важно приносит ли она прибыль или нет. Оплата их труда должна быть достаточной для поддержания определенного уровня потребления, у них нет стремления к наращиванию своих доходов. Следовательно, для них *деньги не цель, а лишь средство*. Очевидно, что такое переподчинение денег более высоким по символической значимости задачам делает хакерскую философию жизни принципиально отличной от той вариации практической морали, которая несколькими столетиями выстраивалась вокруг самоценности денег.

На заре Нового времени протестантская этика насаждала этос полезного труда «в профессиональном призвании», саму тему денежного успеха подчиняла более фундаментальной цели религиозного спасения. То есть во имя спасения, а не самого богатства, надлежало стремиться ко все большим деньгам и собственности. Со временем эта этика денег вышла за пределы чисто протестантского ареала западного мира, включившись и в другие этноконфессиональные культуры, захватив не только католические, но и азиатские страны, вставших на путь модернизации. И если принять во внимание, что под влиянием просветительского секуляризма Философского века этика денег «очистилась» от лишних теологических коннотаций, то понятно, почему уже в обществах развитого модерна в XIX-XX вв. именно деньги в рамках одной из базовых вариаций практической морали стали восприниматься в качестве высшей ценности: «чистое» богатство, а точнее – капитал превратился в главную цель биографического проектирования.

И в этом смысле готовность хакеров работать на другие, помимо денег, цели если еще и встречает какое-то понимание, то их открытость к бескорыстному и даже бесплатному труду вызывает недоумение и нередко расценивается как контркультурный вызов и нарушение принятых «правил игры». Впрочем, те, кто так воспринимают этос хакеров, забывают, что «информация» – особый ресурс, и его капитализация происходит по совершенно другим «законам». Глобальное информационное поле выше всего оценивает свободу и равный доступ.

Вот почему хакерскую этику иногда выводят из этоса науки, ведь и там с эпохи Возрождения высшего академического признания удостоивались: (а) совместный труд во имя истины, (б) беспрепятственный обмен знаниями [9, гл. 3]. И все же очевидное сходство не делает эти два этоса тождественными. В хакерской этике большую значимость имеет контркультурный фактор, предполагающий их свободу от классических институций, принадлежность и активное участие в социальных сетях и приватную жизнь в развлечениях. Что совершенно не свойственно человеку науки. Конечно же, и хакер, и ученый – «люди страсти», но одни с легкостью идут на альянс с властью, легитимируя ее как носители академической истины, другие же предпочли совершенно иной режим жизни себе в удовольствие в сетевом общении и определенную дистанцированность от политики.

Но не следует думать, предостерегает нас Химанен, что хакеры настолько романтики и наивные люди, что отказываются от денег вообще. Многие из них пошли по пути «капиталистического хакерства» и добились невероятных успехов. Они, действительно, временами отказываются от своей «страсти» для обретения большей финансовой независимости, и чаще всего возвращаются в русло исконного этоса. Примеров тому немало, у всех на слуху имена хакеров-миллионеров. Тем не менее «капитал» и «хакерство» – феномены из строго различных картин мира, а главная дилемма их морального сознания – может ли существовать свободная рыночная экономика, основанная на конкуренции, но отвергающая контроль над информацией – пока остается без должного разрешения [9, гл. 3].

Нэтика – концепция нравственного развития мира

В 1990-е годы в экспертной литературе было сконструировано понятие «нэтикет» (nethiquette), под которым скрывался нечеткий свод правил поведения в интернете. Разумеется, никакого законченного текста на эту тему составлено не было, но попыток вербализации интернет-норм было предпринято немало. Ранние трактовки нэтикета основывались, прежде всего, на конвенциональных представлениях о *рекомендательном приличии* в мировой сети, запретительных норм было немного. Эксперты и пользователи в первые два десятилетия XXI столетия стали все чаще обращаться к проблематике интернет-запретов, тем самым создавая все новые и новые прецеденты ограничения web-свободы. Наконец, наступила пора привести весьма хаотичные этические суждения в некоторую систему, но за такую работу никто не хотел браться. Выход был найден в синтезе хакерской и цифровой этик, что и получило свое укороченное наименование «нэтика» (nethics), поскольку таким образом решалась более фундаментальная

социально-философская задача, чем простая компиляция этикетных правил.

Отправным пунктом стало конструирование двух понятий – кибер-пространство и кибер-права, особенно в их пересечении с защитой свободы слова и приватной жизни человека. Сеть – неподцензурна. Это не призыв, не слоган, а фундаментальное *кредо*. С известной долей иронии хакеры называли цензуру и прочие формы контроля в сети «неполадками», выстраивая тысячи путей их обхода. По сути, человечество до сих пор живет в алгоритме «обходов», изобретенном практически в то же время, когда мировая сеть стала реально функционировать.

Хакерская этика поддерживает все альтернативное, до чего могут дотянуться руки властей, силовиков, правоохранителей, частного бизнеса, медиамагнатов. При этом хакерский мир остается децентрализованным, а происходящие в нем процессы импульсами выходят в «открытый» мир. Ведь, никогда еще самовыражение и свобода слова не были столь масштабно распространены и приняты в глобальном пространстве. Разумеется, сети не являются и по сей день самыми эффективными средствами влияния на общественное мнение, но все большее количество людей уходит из традиционного медиапространства в мировую сеть, а оттого не только подвержены влиянию со стороны хакерской этики, но зачастую становятся ее ревностными носителями. К сожалению, власти практически во всех развитых и развивающихся странах недооценивают этого факта и стараются ограничить расширяющуюся вселенную хакерской этики все новыми ограничениями и запретами. И это один из аспектов того, что мы плавно переместились в мир «надзорного капитализма» [2]. Отныне большую угрозу следует ожидать не только от национальных властей, сколько от крупных корпораций, которые беззастенчиво нарушают нормы приватности частных лиц, формируя громадные банки данных о своих реальных и потенциальных клиентов.

И все же: недостаток свободы вовне социальных сетей компенсируется свободой внутри них, пока это утверждение не станет трюизмом и не будет восприниматься как главное *условие нормальности*, перетягивание каната между носителями разных вариаций практической морали продолжится. Ненасильственные отношения между хакерским миром и реальной политикой пока видятся лишь в проекте утопического будущего [1]. Как бы то ни было, но хакерское единство, понимаемое отныне уже не как узкая группа программистов, а как широкое субкультурная вселенная людей, разделяющих ценности и мировоззрение альтернативной практической морали, становится все

более привлекательной моделью биографического проектирования даже для людей, профессионально мало связанных с IT-занятостью.

Химанен полагает, что формула хакерского «личностного развития», в основании которой жизненная философия самопрограммирования, сегодня становится самой притягательной для всего постсовременного мира [9, гл. 6]. Удивительным образом именно в ней сокрыты смыслы и тех самых softskills, о которых в последнее время так часто пишут теоретики и практики высшего образования. Но если взглянуть на них сквозь призму зрения нэтики (или как ее чаще нейтрально именуют «сетевой этики»), то мы обнаруживаем в их ряду такие нравственные установки, как устойчивость, сетевая стабильность, гибкость, проектная ответственность и сотрудничество, антидискриминация и толерантность, наконец, критическое мышление, позволяющее нам ориентироваться в мире «постправды» [5].

По большому счету нэтика постепенно превращается в подлинно глобальную этику сетевых обществ, переключаясь из виртуального мира в нашу повседневную реальность. И ее социальная траектория позволяет нам предположить, что хакерская этика, изначально выступив в роли внеинституционального актора, сегодня поспособствовала преобразованию мира, ибо отстаивает его свободу и выступает в защиту моральной автономности человека. Главной же угрозой для ее устойчивого развития теперь становится скорость, которая принуждает нас жить логикой каждой секунды и забывать о времени нравственной рефлексии. Однако, этика не любит суеты.

Новые рубежи университетской дидактики

Сегодня широко распространено мнение о том, что технологический прогресс радикально обгоняет развитие всех остальных сфер жизни, и поэтому именно он создает главные угрозы в будущем. Это очевидное заблуждение основано на представлении о наших эмоциях, как о чем-то неизменном со времен каменного века, а также о современных институтах, которые якобы мало переменялись со средневековья. И, поэтому, человечеству следует опасаться, прежде всего, технологий, которые якобы делают нас «богоподобными» – подробный разбор этих «страхов» – [7]. О трансгуманизме и его границах идут нескончаемые споры, но и это в данном случае не так существенно. По тому, какими громадными скачками движется вперед прикладная этика и альтернативная практическая мораль можно сформулировать прямо противоположную гипотезу: плюрализм жизненных философий и мультиморальность современного мира создают для человечества гораздо большие угрозы, чем технологический прогресс.

И если мы, сознавая все это, не изменим кардинальным образом своего отношения к гуманитарным дисциплинам в университетах, тогда, действительно, можем потерять целое поколение, а постсовременный человек придет к новым технологическим рубежам морально и житейски неподготовленным [3, 6]. Преподавание этих сюжетов внутри университетского курса прикладной этики должно стать долгосрочной и устойчивой перспективой. А освоение альтернативных моделей практической морали может начаться с простого преподавания именно хакерской этики. Да, именно ее необходимо освоить и начать преподавать в вузах. Впрочем, кому-то может показаться, что ее место в университетской дидактике не так легко определить или она относится к числу псевдонаук, «брехне», как определяет такие нарративы замечательный немецкий философ Г. Франкфурт [8].

Мне же представляется такой взгляд на хакерскую этику даже не заблуждением, а гипертрофированным педагогическим страхом, который «старшие» поколения в вузах выдадут за дидактическую апорию.

Список литературы

1. *Батлер Дж.* Сила ненасилия. Сцепка этики и политики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
2. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд. Института Гайдара, 2022.
3. *Иггер Л.* Этика как общественная наука. Моральная философия общественного сотрудничества. М.: Социум, 2020.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. *Левитин Д.* Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
6. *Сингер П.* О вещах действительно важных. Моральные вызовы 21 века. М.: Изд. «Синдбад», 2019.
7. *Уотсон Р.* Технологии против человека. М.: Эксмо, 2020.
8. *Франкфурт Г.* К вопросу о брехне. Логико-философское исследование. М.: Изд. «Европа», 2008.
9. *Химанен П.* Хакерская этика и дух информационализма. М.: Изд. АСТ, 2019.